

ПО СТОРІНКАХ ДОЖОВТНЕВОЇ ПЕРІОДИКИ

И. И. Ролле

Женщины при чигиринском дворе во второй половине XVII в. *

Иван Выговский и Елена Стеткевич, его жена.—
Перемены на чигиринском дворе

С переходом гетманской булавы в руки Выговского при чигиринском дворе явились новые течения**. Преобладающее влияние постепенно получил привилегированный класс, выделившийся из казацкой массы. Конечно, тон этому обществу давал сам гетман и многочисленная его родня. В сравнении с своим предместником, Выговский представляется человеком совершенно иного тона. Происходил он из старинного, но мелкого шляхетского рода, который встречаем уже в начале XVI в. в Скочковской округе под Выговым. В 1611 г. дед гетмана пользуется гербом Габданков, а отец, владевший Голеевым, поселился в Киеве незадолго до хмельниччины и пользовался там большим влиянием. Старший сын его Иван выступает на сцену уже в 1631 г., а через два года встречаем его наместником луцкого подстароства; по словам малорусской летописи, он был затем киевским гродским писарем. По слухам, он должен был оставить уряд вследствие каких-то правонарушений и поступил в войско; в 1648 г. встречаем его пленником в татарском обозе, после битвы у Желтых Вод. Хмельницкий будто-бы выкупил его за старую кобылу¹. Как бы то ни было, с этой поры начинается возвышение Выговского. Богдан сделал его своим придворным писарем, а год спустя писарем Войска Запорожского. Вероятно, это назначение было результатом прежнего знакомства. Выговский служил гетману верою и правдою в течение десяти лет и пользовался большим на него влиянием, отличался сдержанностью, хладнокровием и дипломатическим тактом, сглаживал резкость и грубость Богдана. Пить он не любил, но подчиняясь среде, должен был нередко притворяться пьяным². Он неизменно сопровождал гетмана, часто бывал в военных переездах, но особой склонности к военному ремеслу не проявлял,— он трудился главным образом на дипломатическом поприще. Занимая выдающееся положение при дворе, Выговский тем не менее вел самый скромный образ жизни в небольшом домике, отведенном ему в Чигирине по должности писаря, и даже не владел землями в пределах Гетманщины. А между тем у него были немалые доходы: жалованье, раздел военной добычи, подарки от иноземных государей... Будучи бережливым, он, однако, не жалел расходов на дела благочестия; так, напр., устройство монастыря и церкви в окрестностях Чигирина стоило немало и представляло одно из лучших украшений гетманской столицы³. По-видимому, Выговский женился уже немолодым⁴. По словам Емелинского, он похитил девушку, так как родня не желала выдать ее

* Закінчення. Початок див.: Укр. іст. журн.— 1991.— № 3.

** Выговський Іван Остапович (р. н. невід.) — очолював шляхетську верхівку, що орієнтувалася на шляхетську Польщу. Добився проголошення себе гетьманом у 1657 р.

¹ Арх. ЮЗР, II, 1, 179; III, 1, 315—325; IV, 106—166.— Костомарова, Богд. Хм., 1, 284, Самовидець, 220.

² Костомаров, Ист. мон. II, 62.

³ Арх. ЮЗР, III, 3, 37.

⁴ Костомаров. Богд. Хм., III, 264.

за писаря⁵. Несомненно, что, по шляхетским понятиям, панна Стеткевич сделала «мезальянс»: она происходила из сенаторского рода *, находившегося в родственных связях с князьями Четвертинскими, Друцкими — Горскими, Соколинскими, Соломирецкими, Любецкими, Сангушками, Огинскими, и даже с Тышкевичами, Суходольскими, Фронцкевичами. Почти до конца XVI в. род Стеткевичей придерживался православного обряда. Дед Выговской, Вильгельм, склонен был к новаторству, жена его Анна Огинская была православною, из сыновей один наследовал веру матери, Ян и Христофор придерживались кальвинизма, а потомки их приняли католицизм; католиком был и Богдан Стеткевич, отец Выговской, новгородский каштелян, умерший в 1651 г. Дети его от первой жены, кн. Соломирецкой, Михаил и Елена, придерживались греческой веры, а две дочери от второй жены, Фронцкевич, воспитаны были в католичестве. Это было обычным в ту пору явлением. Так, родной брат Елены поступил в монахи Киево-Печерской лавры, один двоюродный брат был назначен виленским каноником, а другой служил с 1655 г. в киевском казацком полку. Надо думать, что Выговский познакомился с будущей своей женой в Киеве, где жил его отец и брат Елены, монах. Ей было под тридцать, ему давно перевалило за сорок. Родня (Суходольская и кн. Любецкая) были недовольны этим браком, как видно из жалобы в завещании Елены, но писарь не обращал на это внимания. Свадьба состоялась в Киеве, но молодая почти не показывалась в Чигирине при жизни Хмельницкого: должно думать, что весь строй придворной жизни у гетмана приходился не по вкусу Елене Выговской, воспитанной в иных понятиях.

По смерти Богдана в гетманы был избран сын его Юрий, посланный в Киев в науку **; до его совершеннолетия делами ведал Выговский⁶, распорядившийся вполне самостоятельно на Украине и не допускавший постороннего вмешательства. Конечно, и при дворе в Чигирине наступили другие времена, получили перевес новые элементы, не игравшие ранее видной роли. К новому направлению примкнуло немало лиц, приближенных к покойному гетману и стоявших с ним в родстве. Елена Выговская, женщина простая и скромная, тем не менее имела большое влияние в Чигирине уже благодаря своему положению. Она явилась в столицу в сопровождении значительной придворной свиты, прислуги и родственников. В авангарде кортежа ехала музыка и несколько сотен лейб-гвардии; далее французская карета везла гетманшу и ее невестку, жену Юрия Стеткевича; затем придворные дамы и девицы в богато убранных колясках, разряженные в пух и прах, в том числе Павловская, Подарицкая, Рудницкая, Лговская и далекая родственница мужа, Выговская; замыкали шествие многочисленные придворные слуги, между ними кондитер, пивничий и даже портной Васильковский —, вероятно, гетманша заботилась о своем туалете⁷. Все это великолепие произвело сильное впечатление на горожан; ясно было, что доступ в «светлицы» гетманши будет не так легок, как прежде, а когда убедились, что под гетманской крышей завелся необычный этикет, возникли нарекания и жалобы; впоследствии оппозиция упрекала Выговского, между прочим, за то, что женился на шляхтянке,

⁵ Bartoszewicz. Encykl. powsz XXVIII, 26.

* Стеткевичі (Стеткевичі) — старовинний дворянський рід, який бере початок з кінця XV ст. Богдан Стеткевич, батько Олени Виговської, був з 1578 р. надвірним литовським маршалом.

** Юрія Хмельницького проголошено гетьманом України на старшинській раді на початку квітня 1657 р., під час хвороби Богдана Хмельницького. Після смерті останнього це рішення затвердила в кінці серпня 1657 р. козацька рада в Чигирині. Однак, оскільки Юрій був неповнолітнім і продовжував навчання в Києво-братській колегії, І. Виговський домігся проголошення себе гетьманом.

⁶ Грабянка, Летопись, 157.

⁷ Завещание Елены Выговской, воеводины киевской. Рукопись. Из собрания Владислава Гурского (в Катюжанах Под. губ.).

«которая не желает добра Украине»⁸. Но в начале все шло благополучно. В Чигирин потянулось множество сторонников Выговского; естественно, что главные места заняли его родственники; Даниил и Константин получил полки; последнему досталась, по Гадячскому договору, Лысянка, а Федору Выговскому отдан был в собственность Стеблев⁹. Но и более далекие родственники не были забыты, все они находили в Чигирине ласковый прием, получали должности и средства к жизни. Таковы: Василий Грегорович, бывший полковник овруцкий, владевший Мотовиловкой под Киевом; Юрий, двоюродный брат гетмана, получивший полк; племянники Илья, Самуил и другие, поступившие в придворную хоругвь. Казалось, весь Выгов опустел и ушел в степи Украины; даже старый Евстафий во время ссоры сына с московским воеводою Шереметьевым уехал для безопасности в Чигирин¹⁰. Таким образом, Выговские составляли тесный кружок при дворе, но немало оставалось и прежней старшины, как напр., Тетеря, полковник переяславский, Тимош Носач, обозный Войска Запорожского, нежинский полковник Гуляницкий, киевский подкоморий и овруцкий староста Юрий Немирич. Особенным влиянием пользовался Тетеря, хотя между ним и Выговским и возникали разногласия и неудовольствия по частным делам. Быть может, играло в этом случае роль и соперничество: Тетеря был в числе кандидатов на гетманскую булаву*. Кроме того, он был женат на сестре гетмана, которая умерла бездетной в 1657 г., и притязания полковника на наследство не были удовлетворены. Отсюда холодность, перешедшая в ненависть и окончившаяся так трагически впоследствии. Выговский уже в начале своей деятельности восстановил против себя людей сильных и влиятельных. Нанушенные частные интересы дали себя знать. Вот пример. Хмельницкий оставил значительные капиталы, запрятанные в разных местах. Только Выговский знал секрет и тотчас же по вступлении во власть употребил на нужды края миллион таллеров, спрятанных в подземельи Гадячского замка, чем восстановил против себя наследников Богдана, особенно Юрка, который считал эти деньги частной собственностью своего семейства. Точно также и Субботов принадлежал булаве, а дети покойного гетмана воображали себя владельцами, и Юрко жаловался, что «ему не хотели оставить даже несчастный Субботов»¹¹; а между тем Выговский поступил совершенно правильно, взяв это село для надобностей гетмана¹². Разом с гетманом явился в Чигирин Федосий, грек из Львова, великий фаворит Выговского, принятый при дворе, как близкий друг и приятель; гетманша отличала его перед заслуженной казацкой старшиной, гетман держал с ним долгие ночные беседы, хранившиеся в тайне; явилось неудовольствие, и пошли слухи, что грек этот дипломатический агент и что он влияет на судьбу Украины¹³. Неудовольствие сообщилось даже испытанным в верности чигиринским сотням, составлявшим гвардию Хмельницкого. Выговский сообразил, в чем дело, начал реорганизовывать ее, сократил, а для безопасности вошел в соглашение с татарским мурзой Карамбеем: последний за приличное вознаграждение обязался держать наготове под Черным лесом соответственное татарское войско и расположился с избранными отрядами в Цибульнике, чтобы быть поближе к Чигирину¹⁴. Но этого было

⁸ Костомаров. Ист. мон., II, 68.

⁹ Vol. leg., IV, 303.

¹⁰ Костомаров. Ист. моногр. II, 142.

* Тетеря Павло Іванович (р. н. та смерті невідомі) — походив з реєстрових козаків м. Переяслава, в 1648 р. — полковий писар, а з 1653 р. — переяславський полковник. Гетьман Правобережної України у 1663—1665 рр. Після смерті Б. Хмельницького підтримував Ю. Хмельницького і І. Виговського.

¹¹ Пам., изд. К. К., III, 3, 424.

¹² Vol. leg., IV, 303.

¹³ Пам., изд. К. К., III, 3, 329.

¹⁴ Там же. III, 3, 325.

мало для гетмана: он завел собственную артиллерию, учредил собственную хоругвь, в которой назначил поручником казака Степана Радлинского и хорунжим Алексея Вербовского, но большинство служащих были из шляхтичей, судя по именному списку, главным образом выходцы из Волыни, но встречались и уроженцы собственно Речи Посполитой¹⁵.

Постепенно гетманская столица изменилась до неузнаваемости, сутолока уменьшилась, гарнизон был сокращен, казацкой старшины осталось здесь мало, сношения с соседними государствами прекратились. Вначале еще гостил здесь боярин Богдан Матвеевич Хитрово, присланный для присяги на верность, изредка появлялся каштелян Беневский, старавшийся восстановить дружественные отношения с Польшей, заглядывал иногда посланец Карамбей, но затем и они исчезли. Гетманша почти безвыездно проживала в Субботове, где могла пользоваться деревенской свободой и тишиной и отдохнуть от придворной толкотни и сутолоки, заведенной при Хмельницком, который искал поддержки в посольстве. Субботов не только не потерял, но выиграл при Выговской, сюда перебралось несколько семейств из казацкой старшины, чтобы быть поближе к гетманше. Конечно, дочери Хмельницкого играли выдающуюся роль в этом обществе, особенно Екатерина Выговская: женщина решительная, но не во вкусе пьяных казацких свах, она иногда заступала место гетманши, молчаливой и застенчивой; от отца Екатерина унаследовала находчивость, умение поговорить, она лучше гетманши была знакома с людьми и отношениями. Что касается Елены Нечай, то она чувствовала себя чужой в этом кругу, притязавшем на светский лоск, да и муж ее, отодвинутый на задний план, не играл политической роли и выполнял лишь приказания гетмана. Кроме того, постоянными гостями в Субботове были: жена Константина Выговского, Раина, рожденная Мещеринова, жена обозного Носача и жена войскового писаря Груши — последняя искренно привязалась к гетманше в благодарности за сочувствие и помощь в несчастье. Но Выговская имела при себе и близких родных, именно, семью Юрия Стеткевича, которая не оставляла ее до смерти. Юрий умер в звании сотника, и жена его осталась при гетманше. Дочь Юрия Христина сделалась фавориткой тетки и настоящим тираном в доме, а сыну его Христофору гетманша записала уже при рождении имущество в две тысячи золотых¹⁶. Елена также была матерью: единственный сын ее Евстафий родился в начале 1657 г. и воспитывался у дедушки в Киеве; почему отец удалил ребенка от матери, трудно сказать, тем более, что гетман жил с женой в мире и согласии. Но возвратимся в Субботов. Здесь царила тишина, хозяйка не принимала участия в общественных делах, довольствуясь своим женским кружком. Выпивка и угощения вышли из моды, гетман почти вовсе не употреблял спиртного и уклонялся от вечеринок. Если из Киева приезжал для отдыха Юрий, то проводил большую часть дня в церкви, предаваясь молитве и благочестивым размышлениям, и вообще обнаруживал склонность к аскетизму; нервный, эпилептик, он избегал общества. Установившиеся в доме гетмана порядки не остались без влияния и на столицу Гетманщины: прежняя распушенность и бесстыдство если не исчезли вовсе, то, по крайней мере, не проявлялись так публично; пьянство сократилось; женщины, хотя и не отреклись от рюмки, но уже не показывались в кабаках, по крайней мере, те, что принадлежали к высшему слою. Все эти перемены не пользовались популярностью, хотя и не лишены были хороших сторон: простой народ чувствовал и понимал, что нарождается и пускает корни новый строй, с тем же ненавистным паном во главе.

¹⁵ Архив Влад. Гурского: материалы для истории барского старства.

¹⁶ Рукописное «Завещание Елены Выговской».

Не подлежит сомнению, что Выговский не годился для роли повелителя украинского посольства, и сравнение с Богданом было для него невыгодным. Он более склонен был к мирным домашним занятиям и не мог импонировать ни отвагою, ни беспощадною суровостью. Нетрудно было предвидеть трагическую развязку его карьеры. В защиту Выговского следует сказать, что и задача была неизмеримой трудности: все брело врозь на Украине, и здание, возведенное Хмельницким, грозило конечным разрушением. Вырисовывались две враждебные партии, тянувшие одна к востоку, другая — к западу. Взаимной пощады не было: каждый норовил истребить противника, и в результате знаменитая «Руина», так красноречиво описанная Костомаровым¹⁷. Но мы коснемся исторических событий эпохи лишь насколько это необходимо для нашей цели — обрисовать роль украинских женщин в это смутное время.

Женщины, осажденные Юрием Хмельницким в Чигирине, плен их в Субботове. Судьба родственников Выговского и дочерей его предместника

Собранная в Переяславе казацкая старшина, преимущественно левобережная, уже в январе 1659 г. объявила Юрия Хмельницкого гетманом. Это было естественно, потому что Выговский первоначально был назначен заместителем несовершеннолетнего сына Богдана Хмельницкого. Юрию теперь минуло 18 лет. Переяславская рада решила не только лишить Выговского булавы, но и отослать «изменника Ивашку Выговского, с женою и детьми, к царскому величеству, а также брата его Даниила и других родственников, находившихся на службе в Войске Запорожском». На будущее время Выговским воспрещено было не только оставаться при гетмане и на уряде, но и вообще служить в казацком войске¹⁸. Таким образом, Выговские были осуждены на изгнание и поставлены вне закона, т. е. лишены всяких гражданских прав на Украине. Однако гетман не покорился. Летом двинулся он за Днепр, в надежде подчинить Левобережную Украину, но не имел успеха. Сторонников не нашел, а число врагов возрастало с каждым днем. Поэтому Выговский возвратился в Чигирин, поручив брату своему Даниилу справляться с враждебным движением. Неудача следовала за неудачей, и Даниил с трудом спас жизнь. Следовало ожидать нападения. Гетман занялся укреплением Чигирина, тем более, что кошевой атаман Брюховецкий объявил о своем намерении явиться в столице. Какая-то фальшивая тревога испугала Выговского, который тайно ушел из города «в одном сукмане и на одном коне», оставив женщин на произвол судьбы¹⁹. Он искал защиты у коронного обозного Андрея Потоцкого в Белой Церкви. Трудно сказать, почему гетманша не ушла с мужем из Чигирина, а жена Даниила Выговского осталась беззащитною в Смеле*, тогда как муж ее очутился тоже у Андрея Потоцкого. Как бы то ни было, женщинам приходилось теперь думать о самозащите и готовиться к осаде в слабо укрепленных замках, при самых тяжелых условиях. Положение Чигирина было, впрочем, более выгодным: по словам Ерлича, там находилось до 600 пушек разного рода, 400 бочек пороху и четыре сотни гарнизона из поляков и немцев²⁰. Кроме придворного женского штата, при гетманше оставались Грушова, искренняя приятельница, и брат Юрий. Далеко в худшем положении была старшая дочь Хмельницкого, его любимица: ее дом в Смеле защищался земляным валом, частоколом и несколькими ста-

¹⁷ Истор. мон., XV, Москва, 1882.

¹⁸ Лег. Величко, I, 415 и 416.

¹⁹ Пам., изд. К. К., III, 3, 395, 400.

²⁰ Летопись, II, 37.

* Мається на увазі старша дочка Б. Хмельницького Катерина.

рыми пушками, годными разве для украшения; в качестве врага выступал родной брат во главе отрядов, которые некогда отец ее водил в бой,— трагическая ирония судьбы! Опасность была тем грознее, что повсюду толковали о Богдановых сокровищах, спрятанных в замках,— следовало ожидать грабежа. Невольно является вопрос, что же делали мужья, чтобы освободить своих жен. Гетман, видимо, пал духом, переяславская рада испугала его, и он ограничивался рассылкою слезливых посланий. Даниил действовал по-рыцарски: он требовал военной помощи у союзников, рвался на помощь Чигирину и Смеле²¹, которые были окружены враждебным населением. Выговский, после всех неудач, решил отречься от гетманства. От его имени Даниил в октябре 1659 г. вручил послам Юрия Хмельницкого булаву и прочие знаки власти. Акт отречения состоялся в Рудках под Белою Церковью. В числе условий было освобождение гетманши и всех вообще лиц, оставленных гетманом в Чигиринском замке. Юрий обещал доставить в Котельню Елену Выговскую со всем двором и поручил это Самуилу Зародному, Грицьку Миргородскому и Джамечку, младшему обозному. Но раньше их появился под Чигирином Брюховецкий с сичевиками в качестве авангарда Сирка. Он пробовал взять замок, но штурм не удался, и через несколько дней пришлось оставить затею. Выговский думал воспользоваться этим промежутком, чтобы поспешить на помощь женщинам, писал к королю, прося его защиты и покровительства жене и сыну Евстафию, если он сам погибнет²². Но план не осуществился, войска не хватало, а идти под Чигирин с малыми силами было слишком опасно. Печальная участь, постигшая Даниила Выговского, доказывает всю основательность опасений бывшего гетмана, возведенного теперь уже в сан воеводы киевского, след., сенатора Речи Посполитой. С гордостью смельчаков Даниил двинулся к Смеле, которая была осаждена казаками, в то время как Юрий Хмельницкий шел к Чигирину с Сирком. Несчастный попал в руки врагов. По одним известиям, захватил его Юрий недалеко от Чигирина, по другим — корсунский полковник Петренко под Лысянкой. Отправленный в Москву, Даниил умер 30 ноября, не доезжая Калуги, как кажется, вследствие жестоких пыток²³. Тело было возвращено семейству. Царь Алексей Михайлович в письме к новому гетману от 10 декабря выразил соболезнование по поводу смерти сына гетманского родственника. В то время как Даниил попался в плен, нежинский полковник Василий Золотаренко взял штурмом замок, в котором находилась его жена. Странное совпадение: победитель был младшим братом ее мачехи, третьей жены Богдана Хмельницкого. Однако Золотаренко не издевался над беззащитной женщиной, ограничившись лишь грабежом замка. Жена Даниила была отправлена с конвоем в Субботов. Вдове отдали тело мужа, которое она похоронила в местной церкви, подле праха отца и брата.

Теперь очередь была за Чигирином. Юрий с сичевиками и левобережной вольницей казацкой осадил резиденцию своего отца, предлагал сдаться без всяких условий и, получив отказ, штурмовал замок. Неизвестно, кто был начальником осажденного гарнизона; артиллерией и немецкой пехотой заведывал Даниил Оливемберг, но главные распоряжения давала сама гетманша, которая все надеялась на скорую помощь от мужа и внушала эту надежду осажденным. Сопротивление было отчаянное, в течение недели приступы не имели успеха, но, наконец, энергия ослабела, и гетманша решила сдаться. Гарнизон был присоединен к войску союзников и отправлен на восток, несмотря на протесты, артиллерия досталась запорожскому войску, частное имущество было разграблено — Юрий равнодушно смотрел на похищение собранных его отцом драгоценностей, а бывшая гетманша со всем дво-

²¹ Пам., изд. К. К., III, 3, 338.

²² Там же, III, 3, 380, 382, 389.

²³ Летопись Ерляча, II, 37, 38. Соловьева, Ист. Росс., XI, пр. 21.

ром отправлена в Субботов, впредь до решения ее участи²⁴. За Выговскую хлопотали обозный коронный Андрей Потоцкий и волынський каштелян Беневский. Последний упрекал Юрия за то, что он воюет с бабами и ведет свое храброе войско запорожское против ни в чем не повинных женщин. Юрий оскорбился и отвечал энергичным протестом: «Не Выговскую добывали, а Чигиринский замок и иноземных солдат, и не все войско добывало, а только охотники»²⁵. Пленницам пришлось пробыть в Субботове почти год; лишь в октябре 1660 г. Выговской разрешено было уехать со всеми другими находившимися при ней женщинами и добром. В Субботове же оставалась и Катерина Выговская, дочь Богдана, которая была отпущена братом на волю еще раньше, но не имела другого пристанища, так как дом в Смеле сделался жертвой пламени. Случаю угодно было, чтобы овдовевший два года тому назад Тетеря прибыл в Чигирин с Беневским для занятия должности войскового писаря. В Субботове он встретился со вдовой, которая собиралась в трудную дорогу. Поездка откладывалась со дня на день по разным причинам. Тем временем наступило сближение между Тетерей и Катериной, и в конце 1660 г. они обвенчались с согласия гетмана в Субботове при самой скромной обстановке. Юрий назначил им Субботов временной резиденцией.

Другая участь ожидала младшую ее сестру, жену полковника Ивана Нечая, сторонника Выговского. Он погиб при осаде Быхова 4 декабря 1659 г.; по мнению Беневского, Нечай попал в плен и умер от пыток. Соловьев прибавляет, что когда тело мужа доставили жене, она умерла внезапно от горя²⁶. Другие источники говорят, что Иван был взят в плен вместе с братом своим Юрием и что обоих пленников отправили в Тобольск, куда прибыли в конце февраля 1660 г. и где их держали вдали «от польских, литовских и немецких людей»²⁷. Как бы то ни было, с той поры нет никаких известий о Елене. Она исчезла со сцены незаметно, как незаметно протекла и ее жизнь. По-видимому, она не стремилась играть видную роль по примеру старшей сестры.

Так же печально окончили и другие члены рода Выговских. Овруцкий полковник Василий, дядя гетмана, попал в плен при стычке под Васильковым и отправлен в ссылку; такая же участь постигла Юрия, двоюродного брата гетмана, и Илью, племянника. Товарищами их в этом вынужденном путешествии были майор Жумир, Стефан Гавратынский, Ян Душинский и Василий Ластко²⁸.

С той поры Чигиринская резиденция благодаря беспрестанным военным замешательствам утратила прежний блеск и обращена была в оборонительный пункт, почти недоступный для женщин. После устраниения Юрия, а затем Тетери, правительный переход власти в Правобережной Украине прерывается, фактически оставаясь в руках того или другого начальника войска. С уходом войска из города он остается беззащитным впредь до появления нового полковника, который, разграбив поселение и забрав ясыр, уходил дальше для таких же подвигов. Измученное вечными тревогами и грабежами население без сожаления покидает насиженные гнезда, чтобы искать где-нибудь подальше более удобных условий для существования. Неудивительно, если при таких обстоятельствах украинские женщины грубели, дичали и усваивали разные непривлекательные свойства, о которых находим недвусмысленные известия в современных источниках.

²⁴ Лет. Ерлича, II, 36.— Лет. Самовидца, 256.

²⁵ Пам., изд. К. К., III, 3, 330.

²⁶ Ист. Рос., XI, 21.

²⁷ Киев. стар. 1890, I, с. 35 и сл.

²⁸ Там же.— С. 37—46.

**Из казака — сенатор, трагическая участь его;
последняя воля Елены Выговской.—
Судьба семейства Хмельницкого**

Лишившись гетманской булавы, Иван Выговский был назначен сенатором Речи Посполитой и получил два староства — Любомль в Холмской земле и Бар в Подольском воеводстве²⁹. В первом числилось 25 поселений и до 200 тысяч моргов земли, во втором — до 80 поселений и 35,5 квадратных миль земли³⁰. Бар представлял собою довольно порядочную крепость, куда тянул разноплеменный торговый люд. Все это приносило киевскому воеводе немалые доходы, несмотря на то, что значительная часть земель лежала впусе, а поселенцы жили на слободах, т. е. пользовались на известный срок разными льготами от платежей. По некоторым данным, Выговскому принадлежал пожизненно и Браилов в воеводстве брацлавском³¹. Мало того: жена принесла Выговскому приданное в 12 000 золотых и сто волок земли в Восколобове под Оршей; впоследствии супруги выкупили у сонаследников еще сто волок. Но наиболее обеспеченным от разных тревог и нападений было имение в львовской земле близ Жидачева: Руда на Стрые, Волица и Кохавина. Выговские устроились в Руде, отделив заново и приспособив старый дом³². Теперь, казалось бы, можно было отдохнуть от всех передрыг, но Выговскому трудно было отказаться от участия в украинских делах и его тянуло в Бар, чтобы быть поближе к арене борьбы. На Украине произошли большие перемены: в январе 1663 г. Юрий Хмельницкий постригся в монахи* и его место вскоре занял Тетеря. Усилия его замирить край не имели успеха, да едва имел бы успех и человек более сильный и влиятельный. Власть приходилось отстаивать саблей, и гетман даже не имел постоянной резиденции, так что жена его находилась постоянно в обозе, а имущество было отправлено под надежную охрану в Брацлав. Неудачи свои Тетеря приписывал врагам, в числе которых первое место было отведено Выговскому. Ближайшим поводом к вражде было несогласие относительно наследования в имуществе бездетной Катерины Хмельницкой, по первому мужу невестки Ивана Выговского, который считал, что часть имения Даниила Выговского должна отойти роду Выговских; второй муж Катерины Тетеря держался другого мнения и все наследство Даниила захватил в свои руки нераздельно. Кроме того, с поступлением Юрия Хмельницкого в монахи все его наследственные права переходили к Екатерине. Выговский заявил притязания на часть наследства, но получил отказ и грозил обратиться к суду³³. Гетман всячески старался погубить противника и распускал про него разные слухи о честолюбивых замыслах, воспользовавшись тем, что Выговский переселился в Бар, который был укреплен и снабжен гарнизоном. Замок был тесен, и семья воеводы с трудом помещалась там, пришлось сократить женский персонал; из более близких лиц оставались лишь жена Константина Выговского Раина, рожденная Мещернинова, добивавшаяся получить обратно Лысянку, дочь Михаила Стеткевича, киево-печерского монаха, взятая теткой на воспитание, и Юрий Стеткевич с женой, исполнявший обязанности коменданта Бара. В замок потянулись владельцы старостинских земель и мелкие собственники, так или

²⁹ Vol. leg., IV, 302.

³⁰ Jablonowski; Zródła dziejowe, XIX, 91.

³¹ Арх. Ю. З. Р., VI, I, приб. том, 6, 68.

³² Завещание Елены Выговской, рукопись.

* Цей крок Ю. Хмельницького був спричинений хвилею обурення проти його дій, що охопила не тільки широкі народні маси, а й певні кола козацької старшини, в результаті чого він змушений був відректися від гетьманства і постригтися в ченці під іменем Гедеона.

³³ Костомаров. Руина, 44.— Panowanie Jana Kazimierza, II, 275.

иначе связанные с Выговским. Все это просило о подтверждении прав и выдаче актов на владение, но положение бывшего гетмана, по-видимому, оказывалось затруднительным и непрочным, так как утверждено был лишь один акт этого рода. Нерешительный образ действий этого воеводы толковали в дурную для него сторону. Уже в феврале 1662 г. великий гетман коронный Станислав Потоцкий писал королю, что Выговский старается возвратить себе гетманство, от которого добровольно отказался ранее³⁴. Тетеря не переставал волновать умы разными страхами и все зло приписывал влиянию Выговского: «Бар всему виною»,— объявлял он³⁵. Между тем, волнения среди правобережных казаков возникли вновь как раз ко времени похода короля за Днепр, и имя Выговского служило знаменем для недовольных. Вот что писал современник: «В том же 1664 г. Иван Сирко, кошевой, двинулся из Запорожья и с ним казаков немало, как, кажется, по проискам Ивана Выговского, бывшего гетмана, и некоего Сулимки (полковника), который, собрав много голоты в Уманщине, оставил Сирка и сам взял Лысянку, Ставище и двинулся к Белой Церкви, чтобы соединиться с Выговским; Но Чарнецкий с Маховским не допустили этого, разгромили Сулимку под Белой церковью, где и сам Сулимка погиб»³⁶. Движение это застало Тетерю врасплох, он не в состоянии был удержаться в Чигирине и искал с женой убежище в польском обозе, а тем временем низовцы разорили брацлавское староство и самый замок ограбили; добыча была распределена Сирком в Умани. Тогда-то пущено было присловье, приписанное Выговскому: «продам Бар и Руду, та заграюляхам в дуду»³⁷. На несчастье воеводы, товарищем Тетери был полковник Себастиан Маховский, которому было дано королем поручение беспощадно усмирять волнения в крае. Одичалый Маховский не стеснялся в средствах и отличался крайнею жесткостью. Для него не составляло большого труда согласиться на предложение Тетери — покончить с бунтовщиком. Между тем, мнимый бунтовщик испугался последствий движения Сулимы и универсалом из Фастова от 1 марта протестовал против подозрений³⁸. Вслед за тем Выговский поспешил в Белую Церковь для соглашения с Маховским, но не застал последнего; в Рокитной тоже не оказалось полковника, который просил Выговского приехать для переговоров в Корсунь. Выговский согласился, не подозревая измены. В Корсуне оказался и Тетеря. Бывшего гетмана немедленно судили и приговорили его к расстрелянию. Приговор был исполнен ранним утром 9 марта без дальнейших проволочек. Осужденному не дали даже времени исповедаться и приобщиться св. тайн³⁹.

По словам некоторых современников, жена воеводы, узнав о трагической смерти мужа, умерла с отчаяния. Но это не так. Известие о гибели мужа она получила в слабо вооруженном пограничном замке. Среди приближенных лиц началась паника, всех страшно поразила казнь воеводы — событие беспрецедентное в современной Польше. Темная шляхта, сидевшая на старостинских землях, не прочь была воспользоваться удобным моментом для грабежа. Только брат Елены Выговский Юрий* не потерял головы; он отправил женщин и детей в безопасное место, остался в замке с больной сестрой, и лишь через несколько дней они скрылись оттуда. Первое время пришлось укрываться в барских лесах, весна была холодная и дождливая, дороги труд-

³⁴ Пам., изд. К. К., IV, 3, 115.

³⁵ Там же, 317.

³⁶ Летопись Самовидца, 84.

³⁷ Darowski. Przysłowia polskie.— Poznań, 1874, S. 116.

³⁸ Пам., изд. К. К., IV, 3, 395, 405.

³⁹ Hist. pap. Jana Kazimierza, II.—227.—Ерлич, Лет., II, 89. Костомаров, Руина, 50.

* Тут помилка. Мова йде про Юрія Стеткевича.

ные. Вдова с благодарностью вспоминала впоследствии об услугах брата во время этого бегства из Бара в Руду. Здоровье Елены было подорвано вконец, однако ей удалось после долгих усилий получить тело мужа, которое и было похоронено в ските около Руды Гниздычевской, в склепе Крестовоздвиженской церкви. Затем оставалось распорядиться имуществом. Завещание Елены представляет документ в своем роде замечательный: не был забыт самый незначительный слуга или отдаленный родственник, и только об единственном сыне не упомянуто ни словом. Евстафий находился в то время у Константина Выговского, которому был отдан в опеку отцом. Завещание начинается исповеданием веры, затем следует просьба похоронить ее рядом «с дорогим супругом». На поминальные службы завещано игумену 1000 золотых, на погребение 3000 золотых, на госпитали для бедных и нищих 140 золотых из доходов Руднянского имения. За счет имения под Оршей завещано монастырю 500 зол., 2800 зол. женской прислуге и далеким родственникам; 200 волок земли оставлено брату, подкоморью брацлавскому. Приданное в 12000 зол., драгоценности и другое домашнее имущество распределены между ближайшими родственниками. Епископу львовскому за его услуги Елена завещала французскую карету, выезд и рыдван, «чтобы не забывал меня в своих молитвах». Умерла Елена в мае или июне 1664 г., потому что в июле завещание было уже внесено в жидачевскую гродскую книгу.

В начале 1665 г. Тетеря удалился в Варшаву и переименовал имя. Жена его уже в 1668 г. не была в живых, как видно из завещания бывшего гетмана⁴⁰. Детей у них не было, и накопленные богатства перешли в боковую линию. Тетеря к концу жизни впал в слабоумие, отдался благочестию и думал о поступлении в один из киевских монастырей, но, наконец, отправился в святую землю и умер в Адрианополе, как кажется в 1670 г.

Юрий Хмельницкий не остался в Киеве. Он устроил скит в Смеле и пригласил сюда нескольких монахов. Лишь с сестрой не прерывал он сношений и нередко навещал ее в Городище; во время одной из поездок туда в 1664 г. он был задержан по подозрению в связях с казначеством*. Освобожденный несколько лет спустя, он вновь выступил на историческую арену, сделался сарматским князем по соизволению падишаха и по его же приказанию был задушен около 1680 г.** Он был последним представителем рода Хмельницких.

⁴⁰ Swięcki. Historyczne pamiętki, II, 482 (примеч. Бартошевича).

* За звинуваченням П. Тетері у зраді Юрія Хмельницького в 1664 р. було заарештовано і ув'язнено в Марієнбурзькій фортеці.

** Допущено неточність. Після полонення кримськими татарами у 1673 р. Ю. Хмельницький перебував на посаді архімандрита в одному з православних грецьких монастирів. Незабаром його ім'я знову з'являється на політичній арені, ставши знаряддям в загарбницькій політиці турецького уряду на Україні. Ю. Хмельницького було страчено у 1685 р. у Кам'янці-Подільському.